

Уголовное право в России – больше чем уголовное право, но при этом оно, конечно же, в любом случае не может быть меньше права как такового – по крайней мере, самого себя

уголовно-правовые меры; противодействие; преступления; «золотая середина»; вопрос; мера; правопорядок; законодательство; тенденции; либерализация; прагматизация; уголовная политика; содержание; принцип; справедливость; линия; дифференциация; наказание

П. Н. Панченко

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Нижний Новгород), руководитель Секции по уголовно-правовым вопросам Научно-консультативного совета при Нижегородском областном суде

«Поэт в России – больше чем поэт!», –
Сказал поэт в порыве праведного чувства,
И был он прав: поэт наш – цвет и свет
Великого как мир русского искусства.
(По ассоциации со сказанным)

В нашем уголовном праве положение дел, однако, несколько иное, чем в поэзии: с одной стороны, оно у нас действительно больше самого себя, но с другой – значительно меньше. И даже, пожалуй, существенно меньше права как такового. Но опасно как недостаточное, так и чрезмерное использование уголовно-правовых мер в противодействии преступлениям, так как в первом случае мы неизбежно столкнемся с безнаказанностью, ведущей к всплеску преступности, а во втором – к несправедливости, подрыву авторитета и ожесточенности людей, что тоже отзовется ростом преступлений. Поэтому в уголовно-правовом реагировании на преступления необходимо найти ту «золотую середину», которая могла бы в максимальной мере способствовать правопорядку и поиску которой, собственно, и посвящена настоящая статья.

Еще лет 25 тому назад Р. Р. Галиакбаров в частной беседе как-то обмолвился (надеюсь, маститый ученый не обидится за это «разглашение»): «Уголовное право у нас – пока не право. Пока это лишь «болячка», «нарыв», «нарост» на праве...». И хотя обоснования высказанной мысли не последовало (разговор происходил при случайной нашей встрече – на улице), но с тех пор она не только не стерлась в памяти, но, напротив, становилась еще более отчетливой, до сих пор сверлит сознание, не дает покоя. Почему же уголовное право – не право? Как это понимать? А не является ли сказанное всего лишь позой человека, претендующего на оригинальность, его, так сказать, причудой, «фишкой», своеобразной «информацией к размышлению», одним из тех пассажей-парадоксов, которыми еще так полна фантазия наших творческих людей? Вопросы, вопросы, вопросы...

И только сейчас, спустя четверть века, похоже, открылся потаенный смысл сказанного ученым. И опять-таки это произошло тоже случайно, а именно в ходе дискуссии со студентами на семинарских занятиях. Но уже, разумеется, применительно к совершенно иному состоянию уголовного права. Иному по содержанию, но... не по сути. Если, конечно, под сутью понимать в данном случае выполнение уголовным правом его исторической миссии – утверждать в обществе правопорядок.

Как показало длительное осмысление данного вопроса, упомянутое «воу-хау» Р. Р. Галиакбарова и сегодня, похоже, продолжает оставаться, к сожалению, актуальным. Начнем обосновывать выдвинутый в начале статьи тезис с констатации того очевидного факта, что, точно так же, как «поэт в России – больше чем поэт» (Е. А. Евтушенко), уголовное право у нас, судя по тем надеждам, которые на него возлагаются государством, обществом, гражданами, действительно *больше* чем уголовное право. У нас теперь оно – своего рода религия правопорядка. Молимся на него, а заодно и крестим квартиры, дачи, гаражи и прочее имущество, чтобы нас, не дай бог, никто не ограбил, не сжег наше имущество, не обрушил бизнес и т. д. Наблюдаемые ныне устремления получить от уголовного права не только то, что оно на самом деле может дать, но и то, чего оно *в принципе* дать не может, в особенности при тех условиях, в которых мы все еще сегодня живем и трудимся – это уже ни что иное, как его фетишизация, гиперболизация, вольное или невольное возвеличивание, а в некотором смысле – и обожествление его.

Вот лишь отдельные результаты чрезмерного упования на фактор уголовного права в противодействии преступности: более миллиона лиц ежегодно приговаривается ныне судами к различным мерам наказания, почти миллион – тех, кто находится в связи с совершением преступлений в закрытых учреждениях, более миллиона – сотрудники полиции, сотни тысяч сотрудников других правоохранительных структур, постоянное обновление всех этих кадров, частые перемещения и замена их руководителей, свыше тысячи изменений, внесенных в действующее уголовное зако-

нодательство за неполных полтора десятилетия его действия (1997-2011 гг.) 95-ю законами.

Проблема преступности, тем не менее, еще сохраняет свою остроту, а во многих регионах еще и продолжает обостряться. В совершение преступлений втягивается уже не только молодое поколение, но и люди постарше, в том числе чиновничество, полиция, военнослужащие, включая генералитет, деятелей культуры и искусства. Банды типа кушевской (Краснодарский край) орудуют с большим или меньшим успехом практически во всех регионах¹. Продолжают совершать террористические акты различные бандформирования – происхождением в основном из Северного Кавказа. В совершение преступлений нередко втягиваются и сами правоохранители².

Но если уж так случилось, что в борьбе с преступностью на уголовном праве, как говорится, «свет клином сошелся», то, обращаясь по данному поводу к любому правоохранительному начальнику, хочется, несколько перефразируя известную народную мудрость, сказать: «На уголовное право надейся, а сам не плошай». Нельзя в деле борьбы с преступностью сводить все к тому, чтобы «тащить и не пущать», «держать и пужать», «хватать и сажать»... В конце концов, уголовное право – это не хлыст, не кочерга и, конечно же, не мышеловка, чтобы... «хлоп – и готово». Это инструмент сложный и к тому же обоюдоострый. Если переусердствовать, можно зайти слишком далеко. Ведь и Сталин в свое время начинал не с расстрелов. Получилось все вроде бы как само собой – вначале была только критика правой и левой оппозиции, затем зачисление во «враги народа», шельмование по всем традициям советского времени, смещение с должностей и только потом – все остальное.

Но какие бы «заморочки» ни устраивались в настоящее время с уголовным правом вокруг преступности и в связи с ней, она не только не сдает позиции, но, напротив, занимает все новые, проникая практически во все сферы общества. Если требовать от уголовного права *большей* отдачи (в смысле противодействия преступности), то надо, по крайней мере, обязательно подумать над тем, а что еще можно сделать для усиления его возможностей в наведении порядка в стране, в том числе в смысле осуществления политических, экономических, социальных, культурных, организационных и иных преобразований. Сами же по себе «голые» запреты и «голые» наказания ничего, кроме бития преступности, как говорится, «по

¹ См.: Варсегов Н. Неизвестная банда, которую знают все. Кроме полиции? Корреспондент «КП» нашел очередную Кушевку. Теперь под Кировым (редакционный материал) // Комсомольская правда. 2011. 4 июня. С 1, 6–7.

² См., например: Бондаренко А. Обложили данью. Милицейский чин требовал за каждый заход судна в порт пять тысяч долларов // Российская газета. 2011. 6 июня. С. 6; Григорьева И. Не перестаралась ли самарская полиция? // Российская газета. 2011. 7 июня. С. 4; Бондаренко А. Силовая регулюровка. Начальника Приморского ГТБДД обвиняют в рукоприкладстве // Российская газета. 2011. 7 июня. С. 7.

хвостам», не дадут. На это наглядно указывает вся наша весьма непростая криминальная действительность.

Точно так же, как, например, нашей стране далеко не всегда выгодно бесконечно долго продолжающееся на мировом рынке повышение цен на нефть (трудности, которые вследствие этого могут испытывать страны-импортеры, могут, так сказать, «другим концом» ударять и по *нашим* интересам, поскольку мы, как правило, находимся в тесных экономических отношениях с ними, и неизбежно их трудности одновременно оказываются нашими собственными трудностями), так нашему государству невыгодно и постоянное наращивание уголовно-правовой «мощи». Ведь за этим, наряду с отдельными положительными моментами (виновные «получают по заслугам», чувствуют силу власти и т. д.), неизбежно стоят и многие негативные явления, в том числе такие, как возрастание численности так называемого тюремного населения, повышение общего уровня криминализации в обществе и, как неизбежное следствие этого, общий рост преступности в стране, рост численности сотрудников правоохранительной системы, рост расходов на их содержание, экипировку, обустройство, транспорт и т. д., рост недовольства граждан – как по всем этим поводам, так и по поводу тому, что у каждого осужденного к лишению свободы есть немало родственников в «открытом пространстве», и все они, как правило, глубоко переживают за его судьбу заключенных. Нельзя здесь сбрасывать со счетов и связанное со всем этим падение престижа государства – как внутри страны, так и на международном уровне. Ведь оно все больше становится полицейским.

После того, как в декабре 2003 года была отменена конфискация имущества (как дополнительный вид наказания), а спустя семь с половиной лет, в мае 2011 года, в дополнение и взамен к лишению свободы были введены в отношении взяточничества и коммерческого подкупа *многократные* (к сумме взятки и подкупа) штрафы¹, высказывались суждения (в том числе на самом высоком уровне) о целесообразности введения в систему наказаний в дополнение и взамен к тому же лишению свободы кастрации педофилов (разумеется, не хирургической, а химической, и только – с добровольного согласия на то самого виновного) за совершенные ими изнасилования малолетних и другие совершаемые в отношении их сексуальные преступления². Вместе с тем, как предупреждает пресса, и коррупция, и педофилия – это такие преступления, обвинение в которых порой обосновывается на следствии и в суде лишь показаниями очевидцев, а ха-

¹ См.: Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // Российская газета. 2011. 6 мая. С. 17.

² См.: *Сибиде П.* Урок химии. Президент намерен защитить детей от сексуального насилия // Российская газета. 2011. 12 мая. С. 2.

раक्टर этих показаний часто напрямую зависит от того, какая сумма будет уплачена «очевидцу» заинтересованным в исходе дела лицом.

В немалой мере уголовно-правовому произволу, в том числе по делам об экономических преступлениях, способствует также введенный в 2010 году в наше законодательство институт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Как пишет петербургский журналист И. Тумакова, «следственный комитет превратил институт сделки в «дубину», с помощью которой сажает всех направо и налево»¹. Поэтому уголовный процесс по такого рода делам должен ориентироваться, прежде всего, на *бесспорные* доказательства. И наша, и зарубежная практика подтверждает, что далеко не единичны случаи, когда действительным поводом к возбуждению такого рода дел являются не интересы правосудия, а служебные, политические, корыстные или иные подобные мотивы так называемых третьих лиц, имеющих свой интерес в таких делах.

Если мысленно бросить «линейку» на упомянутые выше нововведения, то она может вывести и на другие возможные новации в нашем уголовном законодательстве. Кстати, уже сегодня таможенники не выпускают за рубеж тех, кто имеет задолженности по исполнительным листам, вносятся предложения о дополнении института условно-досрочного освобождения от наказания нормами, которые увязывали бы такое освобождение с «чистосердечным раскаянием» и «признанием вины»², погашением задолженностей, образовавшихся в связи с причиненным преступлением материальным ущербом и нанесенным потерпевшему моральным вредом³. А в апреле 2011 года вообще без всяких предварительных сообщений в прессе был восстановлен в правах ранее имевший место в нашей стране административный надзор (устанавливавшийся в отношении ряда категорий лиц, отбывавших наказание в виде лишения свободы) – с восстанов-

¹ См.: Тумакова И. Бывший следователь разоблачает коллег // Известия. 2011. 3 июня. С. 4. См. также: Ролдугин О. Охота на педофилов. В последнее время сексуальное насилие над детьми приобрело характер массовой эпидемии. Или – фальсификации? // Собеседник. 2011. № 20. С. 10.

олдугин

² Хотя и принято считать, что приговор констатирует истину, но, во-первых, случаются, как известно, и судебные ошибки, а во-вторых, приговор суда – это еще не приговор осужденного самому себе, поскольку у него могут быть *свои* основания на то, чтобы не признавать вину. Да и понимает он ее по-иному, то есть не так, как суд. И на самом деле она может быть не такой, какой ее «установил» суд. Например, по второму делу М. Ходорковского вышестоящая судебная инстанция исключила из суммы, вмененной ему в вину судом первой инстанции, почти третью ее часть. Поэтому точно так же, как непризнание вины на следствии и в суде не должно служить препятствием к условно-досрочному осужденного, прошение осужденного об условно-досрочном освобождении *не должно* рассматриваться как признание им вины – так сказать, постфактум. Несколько иную трактовку рассматриваемого вопроса см.: Ходорковский повинится? (редакционный материал) // Аргументы и факты. 2011. № 22. С. 5.

³ См.: Возмещение ущерба сделают условием для УДО (Lenta.ru) // Нижегородский рабочий. 2011. 12 апреля. С. 6.

лением существовавшей в советское время уголовной ответственности за уклонение от такого надзора (ст. 314.1 УК РФ)¹.

Нетрудно предположить, что если дело и дальше так пойдет, то можно ожидать, например, того, что лицам с непогашенной и не снятой судимостью будет уже в ближайшее время запрещено свободно перемещаться по стране, а тем более выезжать за рубеж, что их будут «окольцовывать электронными браслетами», ставить в их паспорта штампы о судимости, проверять их на наличие «гена преступности», на употребление наркотиков, запрещать тем, кто употребляет наркотики, вступать в брак и иметь детей, служить в армии, занимать ответственные должности в системе государственной и муниципальной службы.

Дело здесь заключается даже не в том, хорошо это или плохо, нужны эти меры или не нужны, полезны они или бесполезны, допустимы с точки зрения морали и нравственности или не допустимы, а совершенно в другом. А именно в том, что без основательной научной проработки, без участия ученых, без обстоятельного научного обоснования ничего менять в уголовном законодательстве нельзя, не положено. Такое недопустимо даже с точки зрения самого здравого смысла. Зачем, спрашивается, содержать в стране тысячи ученых, специализирующихся на исследованиях в области уголовно-правовой проблематики, если даже не пытаться использовать их научный потенциал?

Непонятно, например, зачем исключать из УК РФ составы клеветы и оскорбления, что было инициировано Министерством юстиции РФ в июне 2011 года², если эти деяния опасны не только тем, что унижают честь и достоинство человека, но и довольно часто приводят к конфликтам, в том числе к таким, которые, в свою очередь, вызывают ссоры, драки, насилия, вред здоровью и даже убийства? Ничему нас не учит тот факт, что примерно две трети всех убийств – это преступления, совершаемые на почве семейно-бытовых конфликтов, и по существу все они обычно начинаются с оскорблений и разного рода клеветнических заявлений.

Именно обвинения в оскорблении и клевете послужили поводом к конфликтам, погубившим великих наших поэтов А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. В значительной мере на чести и достоинстве основывается цивилизованность общества, его успехи, в том числе экономические, социальные, культурные, образовательные, научные, спортивные и т. д. И именно по данной причине ни одно из государств мира пока еще не отказалось от криминализации от посягательств на честь и достоинство

¹ См.: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Российская газета. 2011. 8 апреля. С. 18.

² См.: Белов С. Наказание с альтернативой. Дмитрий Медведев внес в Госдуму поправки в Уголовный кодекс... // Российская газета. 2011. 8 апреля. С. 2.

личности, совершаемых в той или иной форме, особенно если подобные посяательства совершаются с использованием средств массовой информации, совершены с прямым или косвенным обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления либо повлекли те или иные тяжкие последствия – например, психическое расстройство здоровья или самоубийство потерпевшего.

И, конечно же, повышенной опасностью характеризуются случаи совершения подобных деяний в отношении человека, который и без того стоит на краю пропасти – например, уже страдающего психическим расстройством или иным тяжким заболеванием, физическими недостатками, трудным материальным положением, испытывающего проблемы во взаимоотношениях с законом, человека, находящегося в состоянии горя, которого постигли какие-то другие несчастья, беды, малолетнего лица, женщины, ожидающей появления ребенка.

О довольно высокой опасности унижения чести и достоинства может свидетельствовать, например, следующий случай. Когда С. Миронов, являвшийся еще спикером Совета Федерации, в пылу политической полемики в своем обращении к функционерам «Единой России» заявил (и это публиковалось в предвыборных агитационных листовках справедливоросов в связи с выборами в региональные представительные органы в 2011 году): «Не медведи вы, а козлы...», то ему вскоре довелось покинуть свой пост.

Вред от законов, сформулированных, как говорится, «на глазок», рано или поздно не замедлит сказаться, причем самым отрицательным образом. Какими бы полезными, рациональными, актуальными ни представлялись нашим отцам-законодателям те или иные предложения, какими убедительными ни казались ссылки на целесообразность, каким бы положительным ни «вытанцовывался» возможный эффект от нововведений, от каких бы высоких должностных лиц они ни поступали, Государственная Дума не должна торопиться с принимаемыми решениями. Последней «инстанцией», допускающей предложения *de lege ferenda* к рассмотрению законодателем, должны быть именно ученые. Только тогда уголовный закон перестанет быть тем «дышлом», которым так еще любит у нас манипулировать власть.

Сегодня, глядя на наш Уголовный кодекс, буквально весь «израненный» многочисленными изменениями, причем так, что на нем практически не осталось уже «живого» места, трудно и дальше сохранять олимпийское спокойствие. А ведь следуют все новые и новые изменения. И все они, как нетрудно заметить, основаны не на строгом научном анализе, а на все том же пресловутом методе «научного тыка». В свое время Г. Б. Виттенберг небезосновательно заявлял: «Уголовный закон охраняет все и вся, а его самого, как это ни странно, никто и ничто не охраняет. Изменения в нем – как из рога изобилия. Кругом на Кодексе – кровавые раны изменений. Откуда они только берутся? Ни Москва, ни Питер (ученые

этих городов. – П. П.) ничего даже не знают, а Кодекс меняется на глазах...».

И действительно, как и в прежние времена, сегодня уголовное законодательство, являя собой ни что иное как некую текущую и текучую правовую материю, производимую чаще всего, так сказать, сугубо топорным способом (абы как), практически потеряло связь с правом как таковым, перестало быть его знаковым символом и мудрым воплощением, поскольку давно уже не является средоточием каких-то больших или малых открытий, результатов достаточно обстоятельных научных исследований, актов коллективного разума, общечеловеческой культуры, своеобразных «моментов истины», не говоря уже о полном отсутствии отражения в нем подлинной воли людей в области проблем преступности и мер борьбы с ней.

Кто, где и как наблюдал эту волю, криминализуя ранее те экономические деяния, которые теперь без всякого сожаления передаются в сферу административно-правовой юрисдикции? И наблюдал ли кто-либо ее вообще? А если и наблюдал, то почему не учитывал? Ответов на все эти вопросы нет. Ввиду отсутствия детальной научной проработки даже наша Конституция напоминает некоторым аналитикам «написанное на заборе...», а поэтому «люди, о которых на первой странице Конституции говорится: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...», могут далее ее не читать...», так как «стоит сравнить перечень того, на что мы имеем право, с реальностью, в которой мы живем», чтобы все здесь стало ясно¹.

Отсюда и... хронически драматичное состояние нашего правопорядка. Преступность буквально за горло берет страну. МВД даже запуталось в самой статистике преступности, причем настолько, что Президент Д. А. Медведев в декабре 2010 года бесхитростно назвал ее (со свойственной ему открытой манерой) «брехней». Только начиная с 1 января 2012 года, когда ведение статистики по указанию главы государства будет осуществляться Генеральной прокуратурой РФ, мы мало-помалу получим возможность по-настоящему вникнуть в суть того явления, с которым призваны бороться – последовательно, бескомпромиссно и, конечно же, эффективно. Необходимо, однако, не просто передать статистику преступности из одного ведомства в другое, а максимально ее усовершенствовать – с тем, чтобы осуществлять достаточно эффективную уголовную политику.

Начинать внедрять научные подходы в дело совершенствования уголовного законодательства надо уже сегодня. То обстоятельство, что страна

¹ См.: Зятыков Н. Право на счастье // Аргументы и факты. 2011. № 22. С. 4. О конкретных нарушениях прав человека и гражданина в нашей стране см.: Лукин В. Права – не дают, права – берут. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 г. // Российская газета. 2011. 13 мая. С. 17–24.

все еще находится в переходном периоде, никак не дает основания для уголовно-законодательного произвола. Переходный период – это все же не война, не какие-то чрезвычайные условия, не аврал, что могло бы хоть как-то оправдать принятие скоропалительных законодательных решений, да еще и вводить их в силу «со дня опубликования», причем делать это с полным пониманием того, что *такого* опубликования законов, которое можно было бы рассматривать как реальное доведение их до *всеобщего сведения*, в стране пока нет. В настоящее время ничто не мешает ввести такой порядок, при котором все законопроекты, одновременно с завершением их подготовки выставлялись бы в Сети. В таком случае каждый заинтересованный и достаточно образованный россиянин получал бы возможность высказывать свои соображения относительно сути и содержания законопроектов. Что же касается опубликования уже принятых законов, то здесь одним Интернетом, как видно, не обойтись. Нужна четко продуманная, широкая, хорошо продуманная и действенная система доведения законов именно *до всеобщего сведения*.

Целесообразно установить также правило, в соответствии с которым изменения в Уголовный кодекс вносились бы не чаще одного раза в год – если, конечно, отсутствуют какие-то экстренные обстоятельства, требующие незамедлительного законодательного решения. Вместе с тем, представляется, на наш взгляд, неприемлемым предложение А. Александрова (Председатель Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по конституционному законодательству, член Бюро Президиума Ассоциации юристов России, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики СПбГУ) о том, чтобы «...на время объявить мораторий на изменения в уголовном и уголовно-процессуальном законе. Как бы остановиться и оглядеться...». Законодательство не может оставаться неизменным в течение неопределенно продолжительного времени. Жизнь идет вперед безостановочно, и поэтому пока мы «оглядываемся», могут произойти крайне негативные явления. И они могут быть настолько глубокими, всеобъемлющими, системными, что на определенном этапе и при определенных обстоятельствах они могут стать необратимыми.

По таким вопросам, как возврат к смертной казни, к конфискации имущества как дополнительному виду наказания, к ссылке и высылке, институтам общественного поручительства, замены в определенных случаях уголовной ответственности ответственностью административной (по впервые совершенным преступлениям небольшой и средней тяжести) было бы, на наш взгляд, целесообразным провести референдум. Для экономии средств его проведение можно было бы приурочить к очередным думским или президентским выборам.

¹ Александров А. Об уголовно-правовой политике, российском правосудии и деле Ходорковского // Российская газета. 2011. 17 мая. С. 6.

Нельзя не заметить, что в ведении федерального центра уголовное законодательство постоянно находится в каком-то аморфном, расслабленном и ко всему прочему малоэффективном состоянии. Полагаем, что имеется смысл наделить субъекты Федерации правом принимать в регионах (федеральных округах) *свои* Уголовные кодексы – с сохранением за федеральным центром права принятия *основ* уголовного законодательства, то есть Общей части этого законодательства плюс отдельных глав Особенной его части – например, глав об ответственности за преступления против государственной власти, против военной службы и против мира и безопасности человечества. Такое решение вполне вписывается в позицию, в соответствии с которой федерализм в стране должен быть действительным, а не показным¹. Давно уже у нас высказываются предложения о том, что центр тяжести всех забот, включая контроль и поддержание правопорядка, постепенно смещать из столицы в регионы, но воз, как говорится, и ныне там. Федеральная власть с упорством, достойным лучшего применения, продолжает удерживать полномочия, которые еще с 1993 года (со времени принятия Конституции РФ) должны были бы, по логике вещей, остаться за субъектами Федерации.

Не следует опасаться, что «разноска» уголовного законодательства по регионам приведет к каким-то деструктивным явлениям. СССР в декабре 1991 года был преобразован в СНГ, как известно, не потому, что отраслевое законодательство принималось в нем субъектами Федерации (союзными республиками Советского Союза), а потому, что к концу 80-х – началу 90-х годов прошлого века в стране оказались по существу до конца исчерпанными возможности социалистического пути развития экономики, в том числе в силу чрезмерной ее централизации, милитаризации и отсутствия в достаточной мере рыночных механизмов². США уже третье столетие «живут» по такой же федерально-региональной схеме (законодательство штатов плюс законодательство федерального округа «Колумбия»), и никаких признаков развала там не наблюдается. Да и преступники не бегают из штата в штат в поисках более мягких приговоров, хотя уголовное право различных штатов порой существенно различается. Достаточно сказать, что в 37-и штатах еще сохранено применение смертной казни.

Реализация приведенного предложения, несомненно, будет способствовать укреплению правопорядка в стране. Пока же сколько бы Президент РФ не требовал от глав субъектов Федерации «взять под контроль преступность», это благое намерение и дальше будут повисать в воздухе, так как ни один регион, включая Центральный федеральный округ, пока не

¹ См.: Смирнягин Л. Помощь местам или людям. Федерализм – это передача власти на как можно более низкий уровень // Независимая газета (приложение). 2011. 24 мая. С. 10.

² Сыграли здесь свою роковую роль, конечно же, и некомпетентные действия М. С. Горбачева, а также политические амбиции и волонтеризм рвущегося к единоличной власти в стране (хотя бы страна и оказалась в результате в «усеченном» виде) Б. Н. Ельцина.

вправе формировать собственную правовую базу противодействия преступности.

Итак, приходится констатировать, что уголовное право у нас – действительно больше чем уголовное право. И больше оно самого себя, прежде всего, потому что не только мы, граждане, но и руководители государства по-прежнему, как и при Иване Грозном и Петре I, видят в нем панацею от всех бед. Если плохо идут дела в стране, то, как и столетия назад, «педалировались» уголовно-правовые средства. «Вор должен сидеть в тюрьме», – настаивал премьер на необходимости и дальше держать М. Ходорковского в колонии, цитируя известного киногероя Глеба Жиглова в прекрасном исполнении В. С. Высоцкого из телесериала Станислав Говорухина «Место встречи изменить нельзя», и буквально несколько дней спустя его «благополучно» приговаривают в очередной раз (по второму делу) к длительному сроку (к 14-и годам) лишения свободы.

Кстати, касаясь данного дела, уже упоминавшийся видный юрист и политик А. Александров полагает, что в нем «следует идти путем профессионального судебного обжалования приговора, с помощью института амнистии и помилования, добиваться смягчения наказания и скорейшего освобождения осужденного из мест лишения свободы»¹. Как известно, по первому приговору, вынесенному в отношении М. Ходорковского этот осужденный на момент вынесения приговора по второму делу уже отбыл восемь лет лишения свободы. 24 мая 2011 года приговор был оставлен в силе, если не считать некоторого снижения срока лишения свободы – на один год, а именно с 14 до 13 лет (с учетом «выпадения» из обвинения практически третьей его части).

Так как дело М. Ходорковского имеет давнюю историю, напомним, что осужденный обвинен (по второму делу) в приобретении нефти по цене 250 руб. и перепродаже ее по цене 1000 руб. за тонну, в результате чего «навар» составил свыше 800 млн. руб. И именно эта сумма была вменена в вину ему как «хищение нефти». В качестве определенного обличительного фона по данному делу пресса обсуждала слухи о, якобы, причастности М. Ходорковского к убийствам В. Конеевой, В. Петухова, Н. Федотова, С. Горина, О. Гориной, покушениям на убийства В. Колесова, Е. Рыбина, О. Костиной, а также к некоторым другим преступлениям, о которых, кстати, упоминал как бы вскользь и премьер В. В. Путин – в своих ответах на вопросы телезрителей накануне вынесения приговора по второму делу.

Между тем, надо, прежде всего, разобраться в том, есть ли вообще состав преступления в действиях по покупке нефти по одной цене и продаже ее по другой. Как известно, в советское время подобные действия обычно квалифицировались (по ст. 154 УК РСФСР 1960 года) как спекуляция, но в УК РФ 1996 года такого состава нет. Спекуляция в связи с переходом к

¹ См.: Александров А. Об уголовно-правовой политике, российском правосудии и деле Ходорковского // Российская газета. 2011. 17 мая. С. 6.

рыночным отношениям была декриминализована. И вышеназванному юристу и политику должен быть хорошо известен общеправовой принцип, в соответствии с которым «что не запрещено, то – разрешено». При всей неоднозначности данного принципа (ведь то, что не запрещено *законом*, может быть «запрещено» *моралью, нравственностью* и в силу уже одного этого *закон не может разрешать* то, что *аморально и/или безнравственно*) учет его в рассматриваемом случае как нельзя был бы уместным.

Ссылки же А. Александрова на «нехороший фон для этого дела», на то, что «в условиях рыночных отношений убийства бесплатно не совершаются» (на самом же деле ежегодно у нас при «живом» рынке совершается свыше десяти тысяч этих самых так называемых «бесплатных» убийств), как и на то, что «это то, что в дореволюционном уголовном процессе называлось: «оставить в сильном подозрении»¹, *несостоятельны*, поскольку ими грубо попирается еще и другой весьма важный общий принцип права: недоказанная виновность есть доказанная невиновность. Поэтому в рассматриваемом случае вопрос должен ставиться не об «амнистии и помиловании» и не о том, чтобы, как считает А. Александров, «добиваться смягчения меры наказания и скорейшего освобождения осужденного из мест лишения свободы», а об *оправдании*.

Другое дело, что в условиях освобождения осужденного (по амнистии или по иному основанию) легче было бы решать вопрос и о его невиновности (если осужденный действительно невиновен). И это тем более актуально, что сам Президент РФ на расширенной пресс-конференции, состоявшейся 18 мая 2011 года в «Сколково» (участвовало 815 журналистов), на вопрос о том, является ли опасным освобождение М. Ходорковского, признал, что «освобождение экс-главы «ЮКОС» Михаила Ходорковского из заключения *не опасно* (курсив наш. – П. П.) для общества»². Но если... – не опасно, то значит... – необходимо. Однако высказанная в данном случае на столь высоком уровне позиция пока не воспринята правосудием. Спустя несколько дней после этого высокая судебная инстанция по существу «проштамповала» решение нижестоящего суда по данному резонансному делу. Как ни странно, Международный суд в Страсбурге тоже не нашел в этом деле каких-либо «зацепок» для принятия приемлемого для осужденного решения, если не считать некоторых частностей, позволивших Суду взыскать с Российской Федерации сравнительно небольшие суммы (что-то в общей сложности около 25 тысяч евро) в порядке возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда.

А почему наше уголовное право все же меньше права как такового? Да потому, что количество, так сказать, случайных изменений в нем на-

¹ Там же.

² Я не оторвался от земли. Президент Дмитрий Медведев ответил на вопросы журналистов // Российская газета. 2011. 19 мая. С. 2.

столько велико, что в результате всех этих «эзекуций» оно теряет свой статус надежного инструмента управления обществом в направлении освобождения его от преступлений. Игнорируя науку и вследствие этого неизбежно шарахаясь из крайности в крайность (например, преобразуя ограничение свободы в фактический домашний арест и «обнуляя» санкции даже в отношении тяжких преступлений, с одной стороны, и придерживая принятие актов амнистии и помилования, вводу принудительные работы и «задирая» кверху по существу до беспредельной высоты отдельные санкции – с другой: штрафы до 50 миллионов рублей, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до 20 лет), мы, тем самым, превращаем уголовное право в послушное орудие для всякого рода манипуляций. Получается так, что манипулировать рынком нельзя (это запрещено ст. 185.3 УК РФ), а уголовно-правовыми средствами – можно.

В то же время уголовное право далеко не всегда, когда того требуют обстоятельства, проявляет себя именно как право. Например, несмотря на приобретенные у нас по существу системный характер взрывы оружейных складов (о системе в таких событиях говорит, по крайней мере, Президент), уголовное право практически никак на них не реагирует, фактически закрывает на них глаза. Между тем, Вооруженные Силы продолжают «воевать» с собственным народом, в результате чего гибнут люди, многим наносятся увечья, жители населенных пунктов лишаются крова, несут материальный и моральный вред. Только в новом столетии (2001-2011 гг.) в различных регионах страны (от запада до востока) произошло 16 таких взрывов, унесших в общей сложности жизни 18 человек, а 183 человека получили при этом ранения различной тяжести. 36 310 человек было эвакуировано, уничтожено много жилых домов, 20 дач, масса других построек. Если дело и дальше так пойдет, то, похоже, террористы могут пока, как говорится, отдохнуть.

Вот далеко не полная хроника такого рода событий за последние неполных 11 лет: 22 июня 2001 г. – под Нерчинском (Читинская область); 20 июля 2001 г. – под Улан-Удэ; 10 июля 2002 г. – под Сызранью; 16 октября 2002 г. – во Владивостоке; 13 июля 2003 г. – под Владивостоком; 14 августа 2003 г. – в селе Бабастово (Еврейская автономная область); 28 апреля 2006 г. – в Сергиеве Посаде; 23 мая 2008 г. – в городе Лодейное Поле (Ленинградская область); 17 мая 2006 г. – в Кронштадте; 1 октября 2006 г. – в поселке Южные Коряки (Приморье); 13 декабря 2006 г. – в пригороде Петропавловска; 14 сентября 2009 г. – в городе Карабаш (Челябинская область); 13 ноября 2009 г. – в Ульяновске; 28 октября 2010 г. – в Амурской области; 6 апреля 2011 г. – в Липецкой области; 26 апреля 2011 г. – в поселке Урман (Башкирстан); 3 июня 2011 г. – в селе Пугачево (близ

Ижевска, Удмуртия)¹. В России осталось не так уж много регионов, которые не пострадали бы от этой напасти. Люди опасаются военной экспансии со стороны НАТО и США, но похоже, что, пока до этого дело дойдет (не дай-то, как говорится, бог), «бомбить» у нас уже будет просто нечего. А виновных – все нет, если не считать обычного «разбора полетов» в самом военном ведомстве².

Да и по тем уголовным делам, которые доходят до суда, назначаемые наказания, несмотря на общую линию, тяготеющую к обвинительному уклону, довольно часто довольно часто занижены по строгости³, а подчас суды вообще выносят весьма сомнительные в своей правильности оправдательные приговоры⁴.

Государство, в отличие от нас, граждан, окруженных друзьями, врагами и теми, кто еще не зачислен в разряд тех или других, начисто лишено дружеских или, напротив, враждебных чувств. У него нет ни друзей, ни врагов, а есть лишь интересы. И если говорить о государстве как о факторе уголовно-правового контроля, уголовно-правовой власти, то надо сказать, что оно не зачисляет преступников во «вражеский» стан – точно так же, как не зачисляет оно и законопослушных наших граждан в свой, так сказать, «дружеский» стан. Для него все равны, и поэтому отнюдь не случайно богиня правосудия Фемиды в греческой мифологии обычно изображается с завязанными глазами (символ беспристрастности) и весами в руке. Взвешивая все pro и contra, она руководствуется не чувствами, не эмоциями, не, так сказать, «движениями души», а холодным расчетом, строгим разумом, исключительно доказательствами вины или ее отсутствия. Время участия души в уголовном правосудии пока еще не пришло, хотя оно, может быть, и не за горами.

Другое дело, что многое в подходе государства к осуществлению уголовного правосудия осталось еще с древнейших времен, причем по суще-

¹ См.: Где еще в России горели арсеналы в 2001–2011 годах (редакционный материал) // Комсомольская правда. 2011. 4 июня. С. 5; Взрывы на оружейном складе в Удмуртии: Люди бежали в лес в ночнушках, босиком... (редакционный материал) // Комсомольская правда. 2011. 4 июня. С. 5.

² См.: Гаврилов Ю. Взрывной волной сорвет погоны. В Минобороны ищут ответственных за ЧП на военных арсеналах // Российская газета. 2011. 7 июня. С. 2.

³ См., например: Богданов В. Палка как аргумент. Прокурор возмутил мягкий приговор виновным в гибели заключенных // Российская газета. 2011. 2 июня. С. 7; Козлова Н. Условный срок за 24 миллиона // Российская газета. 2011. 7 июня. С. 10; Волкова Н. Судили по-свойски. За «крышевание» игорного бизнеса прокуроры отделались штрафами // Российская газета. 2011. 7 июня. С. 2; Борисов Т. Обман на миллион, приговор на копейку // Российская газета. 2011. 7 июня. С. 6; Славина И., Никитин А. Оговоренный и невиновный? В России суды выносят 40 % ошибочных приговоров // Труд-7. 2011. 9 июня. С. 5; Мокроусов А. Георгий бедоносец. Нижегородский студент шестой год сидит в тюрьме за преступление, в котором сознался другой человек // Новое дело. 2011. 9–15 июня. С. 4.

⁴ См., например: Дементьева Е. Ушел от ответа. Суд оправдал подростка, избившего учительницу // Российская газета. 2011. 6 июня. С. 6.

ству в неизменном виде, в том числе, похоже, неутомимое стремление к жестокости и ее неотвратимости, к достижению таких целей этих жестокостей, как возмездие, искупление вины, устрашение, в современной интерпретации – соответственно восстановление социальной справедливости, исправление виновного и предупреждение преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Миссия государства в области уголовного правосудия в России осложняется еще и характером регулируемых и охраняемых отношений, а именно их нестандартностью, сложностью, противоречивостью, конфликтностью, непредсказуемостью. В отличие от остального мира, в котором, наряду с правом, господствуют положительные традиции, где друг есть друг, а враг есть враг, у нас далеко не всегда это именно так, а часто – и вовсе не так. Враг у нас – это часто лицо, так сказать, неприкасаемое. Его мы, конечно же, *не любим*, но часто стремимся с ним как-то ладить, находить общий язык, а в крайнем случае стараемся с ним просто не связываться, оставляем его, так сказать, самому себе. Практические получаются так, что библейское «возлюби врага своего...» часто нами понимается буквально. Что же касается друга, то он нередко становится для нас объектом всякого рода психологических опытов, а то и насмешек, понуканий и даже издевательств. На нем мы «отрабатываем» преимущественно не положительные, а отрицательные свои качества – в меру, так сказать, собственной испорченности. Не случайно примерно две трети всех убийств совершается у нас в бытовой сфере, то есть в отношении знакомых и даже близких, то есть тех, по отношению к которым должна проявляться особая забота. Люди пока у нас еще не научились дорожить дружбой, хранить ее как зеницу ока, лелеять, развивать, поднимать. Часто она уподобляется обычной вещи – попользовался и выбросил.

В отличие от всего остального мира, где вверх по служебной лестнице обычно поднимаются умнейшие из умнейших, самые порядочные, деловые, трудолюбивые, заботливые люди, у нас нередко случается так, что наверху скапливается одна лишь пена. Не интеллект и другие положительные качества работника считаются у нас основными критериями продвижения по службе, а его умение «подавлять» подчиненных, наводить на них «страх и ужас», заставлять их выдавать результаты любой ценой. Российский управленец – это обычно лишь на треть или даже на четверть управленец, а в остальной своей части – это надсмотрщик, «недреманное око» начальства, его «уши», «руки», «ноги», «язык» и т. д. Быть одновременно и интеллектуальным, и вот таким «сателлитом» системы управления практически невозможно, а поэтому берет верх, мягко говоря, ручной режим управления, что и делает «погоду» в стране, при которой власть начальства подминает под себя власть права, в том числе и права уголовного.

Право при такой «раскладке» испытывает порой существенные затруднения в выполнении своих «профессиональных» функций – органи-

зационной, регулирующей, охранительной, иных. Как и у любого милиционера (теперь – полицейского), у государства при каждом «телодвижении» гражданина «рука тянется к пистолету». Отсюда – постоянные злоупотребления правоохранителей, желание их отыграться на «крайнем» (в народе по данному поводу обычно говорят: «Воровали все, а сидит – один»), доведение механизмов возбуждения уголовных дел по существу до автоматизма. Не лишним будет привести в данной связи пример, достойный, пожалуй, занесения в Книгу рекордов Гиннеса. По крайней мере, не приходится сомневаться в том, что в силу названных выше причин только в России возможно такое, чтобы в отношении одного и того же гражданина в течение года было заведено 156 уголовных дел – в среднем примерно по одному делу каждые два дня. Подверженный столь массивному уголовно-правовому «обстрелу» омский предприниматель Евгений Новоселов испытал в связи с этим буквально все муки ада. Обанкротенный материально и психологически, он все еще хранит у себя копии 77 томов заведенных на него уголовных дел.

А причиной всему послужила попытка Е. Новоселова разоблачить «оборотней в погонах», вымогавших у него за закрытие дела 500 000 рублей. Новоселов обратился в службу собственной безопасности УВД с просьбой изобличить милицеских рэкетиров. И хотя у посредника в итоге были обнаружены полученные им помеченные купюры, сотрудники данной службы все же пришли к выводу об отсутствии в действиях коррупционеров состава преступления. Напротив, составы различных преступлений усматривались в действиях самого Новоселова, против которого, собственно, и заводились уголовные дела – одно за другим. «Причина, – констатировала по данному поводу пресса, – банальна – пресловутая «палочная» система. Таким способом следователи повышают раскрываемость в регионе»¹.

Но дело здесь заключается, как всегда, не только и, пожалуй, не столько в стремлении правоохранителей показать свое служебное рвение, отчитаться, улучшить показатели работы, повысить ее эффективность и т. д. Главная причина наблюдаемого в настоящее время массивного наступления сотрудников органов уголовной юстиции на общество, его институты, на конституционные права и свободы граждан заключается в том, чтобы, показать свою силу и власть, продемонстрировать, как говорится, во всей своей красе умение «загнать в угол» любого «непокорного», действовать по заведенным правилам типа «что хочу, то и ворочу», «по-сажу...», «сгною...» и т. д., создавать среди населения атмосферу тревоги, страха, неуверенности, в условиях чего сотрудникам даже не надо вымогать взятки у людей – они сами их несут. И факт с Новоселовым в данном случае – далеко не исключение. Людей, безосновательно терроризируе-

¹ *Граф Н. Вось в делах. Каждые два дня (в течение года. – П. П.) на омича Евгения Новоселова заводили уголовное дело // Российская газета. 2011. 26 мая. С. 6.*

мых уголовной репрессией – миллионы. Можно даже сказать так: в России вообще трудно найти хотя бы одного более или менее социально активно-го человека (особенно в среде предпринимателей), в отношении которого не возбуждались уголовные дела или, по крайней мере, не высказывались бы угрозы относительно подобной перспективы. «По тебе давно тюрьма плачет», – говорит еще в школе ученику учительница, и она недалеко от истины. Едва вступив за порог школы, молодой человек довольно часто напрямую сталкивается со всем тем, что его может привести в «казенный дом». Сама народная мудрость не позволяет нам расслабляться, поскольку зарекаться у нас от тюрьмы (как, впрочем, и от сумы) не положено.

Вот почему следует и дальше укреплять независимость судей от каких бы то ни было внешних влияний, будь это влияние чиновников, криминальных кругов, продажных журналистов или какие-то иных не имеющих отношения к правосудию лиц. Важно повсеместно осуществлять коллегиальное (а не единоличное) рассмотрение дел, восстановить суды, функционирующие с участием народных заседателей (народные суды), максимально расширить пределы юрисдикции судов, функционирующих с участием присяжных заседателей, установить порядок, при котором даже если хотя бы один присяжный заседатель засомневался в виновности подсудимого, последний подлежал бы оправданию. Кстати, именно по такому принципу работают суды присяжных в США. Не за «большевиками», а именно за «меньшевиками» должно быть последнее слово в случаях, когда решается вопрос о невиновности человека. Здесь не тот случай, когда вопрос должен решаться большинством.

Становясь в полной мере самостоятельным, независимым, адекватным своему предназначению, уголовное право будет постепенно становиться «самим собой», то есть полностью соответствующим проводимой в стране научно обоснованной уголовной политике – политике в области противодействия преступлениям, а именно разработанным и, так или иначе, отраженным в праве принципам данного противодействия, его стратегии и тактике, общим и конкретным направлениям, целям и задачам, средствам и методам.

Библиографический список:

1. *Варсегов Н.* Неизвестная банда, которую знают все. Кроме полиции? Корреспондент «КП» нашел очередную Кушевку. Теперь под Кировым (редакционный материал) // Комсомольская правда. 2011. 4 июня.
2. *Бондаренко А.* Обложили данью. Милицейский чин требовал за каждый заход судна в порт пять тысяч долларов // Российская газета. 2011. 6 июня.
3. *Григорьева И.* Не перестаралась ли самарская полиция? // Российская газета. 2011. 7 июня.
4. *Бондаренко А.* Силовая регулировка. Начальника Приморского ГТБДД обвиняют в рукоприкладстве // Российская газета. 2011. 7 июня.

5. *Сибида П.* Урок химии. Президент намерен защитить детей от сексуального насилия // Российская газета. 2011. 12 мая.
6. *Тумакова И.* Бывший следователь разоблачает коллег // Известия. 2011. 3 июня.
7. *Ролдугин О.* Охота на педофилов. В последнее время сексуальное насилие над детьми приобрело характер массовой эпидемии. Или – фальсификации? // Собеседник. 2011. № 20.
8. *Ходорковский повинится?* (редакционный материал) // Аргументы и факты. 2011. № 22.
9. Возмещение ущерба сделают условием для УДО (Lenta.ru) // Нижегородский рабочий. 2011. 12 апреля.
10. *Белов С.* Наказание с альтернативой. Дмитрий Медведев внес в Госдуму поправки в Уголовный кодекс... // Российская газета. 2011. 8 апреля.
11. *Зятыков Н.* Право на счастье // Аргументы и факты. 2011. № 22.
12. *Лукин В.* Права – не дают, права – берут. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 г. // Российская газета. 2011. 13 мая.
13. *Александров А.* Об уголовно-правовой политике, российском правосудии и деле Ходорковского // Российская газета. 2011. 17 мая.
14. *Смирнягин Л.* Помощь местам или людям. Федерализм – это передача власти на как можно более низкий уровень // Независимая газета (приложение). 2011. 24 мая.
15. Я не оторвался от земли. Президент Дмитрий Медведев ответил на вопросы журналистов // Российская газета. 2011. 19 мая.
16. Где еще в России горели арсеналы в 2001-2011 годах (редакционный материал) // Комсомольская правда. 2011. 4 июня.
17. Взрывы на оружейном складе в Удмуртии: Люди бежали в лес в ночнушках, босиком... (редакционный материал) // Комсомольская правда. 2011. 4 июня.
18. *Гаврилов Ю.* Взрывной волной сорвет погоны. В Минобороны ищут ответственных за ЧП на военных арсеналах // Российская газета. 2011. 7 июня.
19. *Богданов В.* Палка как аргумент. Прокуроров возмутил мягкий приговор виновным в гибели заключенных // Российская газета. 2011. 2 июня.
20. *Козлова Н.* Условный срок за 24 миллиона // Российская газета. 2011. 7 июня.
21. *Волкова Н.* Судили по-свойски. За «крышевание» игорного бизнеса прокуроры отделались штрафами // Российская газета. 2011. 7 июня.
22. *Борисов Т.* Обман на миллион, приговор на копейку // Российская газета. 2011. 7 июня.
23. *Славина И., Никитин А.* Оговоренный и невиновный? В России судьи выносят 40 % ошибочных приговоров // Труд-7. 2011. 9 июня.
24. *Мокроусов А.* Георгий бедоносец. Нижегородский студент шестой год сидит в тюрьме за преступление, в котором сознался другой человек // Новое дело. 2011. 9–15 июня.
25. *Дементьева Е.* Ушел от ответа. Суд оправдал подростка, избившего учительницу // Российская газета. 2011. 6 июня.